

Хронофобия

Время само должно служить доктрине, демонстрируя ее неукоснительную убедительность. Коль скоро обострение классовой борьбы предсказано, ей велено обостряться. Тавтологические и смежно-ассоциативные построения Сталина представляют собой виртуозную имитацию не только каузальной, но и темпоральной последовательности — раз все задано в исходном пункте, то его разложение на составные элементы лишь оформляется как их связная преемственность. Хронологический порядок развертывания подчинен телеологии и потому фиктивен.

Зачастую, при видимой установке на историзм и стадиальность, настоящее выступает как извечная статичная данность, обособленная от прошлого. В своем дебютном трактате «Анархизм или социализм» он излагает предельно экстравагантные взгляды на дарвиновскую теорию эволюции:

«Если бы обезьяна всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок ее — человек — не мог бы свободно пользоваться своими легкими и голосовыми связками и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания. Или еще: если бы обезьяна не стала на задние ноги, то потомок ее — человек — был бы вынужден всегда ходить на четвереньках, смотреть вниз и оттуда черпать свои впечатления».

Эта печальная альтернатива никак, однако, не вяжется с тем обстоятельством, что появление «человека» воспринимается автором в качестве неизбежности, хотя гипотетически отвергается та самая эволюция, итогом которой он должен стать. По Сталину получается, что человек и без эволюции непременно бы возник — но, так сказать, в несколько ином виде, т. е. в образе неразумной и бессловесной четвероногой твари.

Еще до того как приступить к массивной фальсификации истории Сталин эпизодически демонстрирует ее чисто хронологическую деформацию в самой стилистике своих писаний. Ср.:

«*Перед революцией в октябре* Ильич часто говорил, что из всех идейных противников наиболее опасными являются меньшевики, так как они стараются привить *неверие в победу Октября*. Поэтому, — говорил он, — не разбив меньшевизма, нельзя добиться победы Октября».

Чудесным образом Ильич у Сталина клеймит меньшевиков за «неверие в победу» того самого Октября, которого пока вовсе не было — ни как революционной реальности, ни как ее простого обозначения, утвердившегося еще позднее. А вот миниатюрная «Повесть о двух городах», где Петроград загодя оборачивается Ленинградом:

«Товарищи! Маленькой группой являлись мы в Ленинграде в феврале 1917 года, девять лет назад. Старики-партийцы помнят, что мы, большевики, составляли тогда незначительное меньшинство Ленинградского Совета» («О хозяйственном положении и политике партии»). Ср. в его тифлисской речи (1926): «Я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград», — или, в докладе XVII съезду, упоминание о походе кайзера «против Ленинграда», состоявшемся в 1918 г.

З. Бар-Селла, впрочем, обратил мое внимание на аналогичные топонимические анахронизмы в Энциклопедическом словаре Гранат — вероятно, ретроспективное переименование Петербурга в Ленинград вошло в советскую моду с середины 1920-х гг., что само по себе показательно. (Частой компромиссной формой был и «Питер» — как бы официально-пролетарское название города в его «ленинградский» период.) Но вот другой пример. В 1920 Сталин сказал: «До войны мы собирали на территории Федерации до 5 миллиардов пудов зерна. Из них мы вывозили более пятисот миллионов за границу», — т. е. царская Россия ретроспективно именуется Федерацией, каковой она стала только после 1917 года.

Шпыняя Бухарина в своей речи «О правом уклоне в ВКП(б)» (1929), Сталин, верный манере «разделять и властвовать», ставит ему в укор лояльное поведение прежних «оппозиционных групп» — «троцкистов и зиновьевцев» — во время Кронштадтского восстания 1921 года. Если Зиновьева, не говоря уже о Троцком, можно записать в оппозиционеры задним числом, то почему его оппозиционность нельзя усовершенствовать, перебросив еще дальше в прошлое — т. е. возвести ее к давнему сговору с империализмом в дни Октябрьского переворота? В другом случае действие и его результат абсурдно синхронизированы: согласно Сталину, оппозиционеры «идут ко дну, не замечая, что они уже опустились на дно».

Будущему, схваченному настоящим, надлежит только раскрыться. На VII пленуме ИККИ генсек так полемизирует с Троцким, упомянувшим в своей речи «крупную ошибку Сталина» в национальном вопросе, — имеется в виду знаменитое «грузинское дело», по поводу которого Ленин обвинил Сталина в великорусском шовинизме:

«Речь тут идет у Троцкого, должно быть, об одном незначительном инциденте, когда тов. Ленин перед XII съездом нашей партии упрекал меня в том, что я веду слишком строгую организационную политику в отношении грузинских полунационалистов, полукоммунистов типа Мдивани <...> что я «преследую» их. Однако *последующие* факты показали, что так называемые «уклонисты», люди типа Мдивани, заслуживали на самом деле более строгого отношения к себе, чем я это делал, как один из секретарей ЦК нашей партии».

На сей раз провидческий дар словно перешел от заблуждавшегося Ленина к Сталину, прикрывшемуся вдобавок богодухновенным авторитетом ЦК, хотя обычно эта способность остается у него профессиональной принадлежностью основателя большевизма. Так, отрицая, при другом полемическом раскладе, бывшие разногласия между ЦК и Лениным, Сталин, вопреки своему обыкновению, всячески снижает тогдашнее актуальное, насущное значение ленинских выпадов, придавая им взамен вещей, упреждающий смысл:

«Троцкий не понимает писем Ленина, их значения, их назначения. Ленин в своих письмах иногда нарочно *забегает вперед*, выдвигая на первый план те *возможные* ошибки, которые *могут быть* допущены, и критикуя их *авансом с целью предупредить партию* и застраховать ее от ошибок».

Статику абсолюта, как и его переменчивую диалектику, он охотнее всего отождествлял с этим своим партийно-государственным тотемом — покойным, но «вечно живым» Лениным, которым опекал все советское общество, незримо пребывая в его составе. Отсюда и удивительный тост, провозглашенный Сталиным в 1938 году на встрече с работниками высшей школы — тост, слишком уж явственно напоминающий древнюю тризну или фольклорное «кормление покойников»:

«За здоровье Ленина и ленинизма!»

Но разве ахронные модели не таятся в ментальном основании самого этого «ленинизма», так кичившегося своей открытостью времени, дыханию будущего — в противовес меньшевикам, привязанным к прошлому? И нет ли этой внутренней предначертанности в самом марксизме? Превознося в статье «Карл Маркс» (1914) разомкнутую «диалектику истории», Ленин прибег к надвременным формулам пространственно-телеологического свойства, утверждая, что в марксистском учении «все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде <...> Движение в свою очередь рассматривается *не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего*». Его дословно повторяет Сталин, у которого прошлое, настоящее и грядущее уравниваются в общей ахронной схеме: «Мы считались тогда *не только с настоящим, но и с будущим*»; «У нас *есть* прошлое, у нас *есть* настоящее и будущее», — но повторяя, как всегда, гротескно нагнетает уже наметившуюся тенденцию. Недвижная вечность верховной истины дополнена у него атемпоральными и анахронистическими моделями народного мирозерцания, которое безмятежно приспособляло к понятиям сегодняшнего дня любые эпохи, — несущественно, идет ли речь об историографических суждениях зощенковских персонажей или о какой-нибудь былинке, включающей «калоши» и «царев кабак» в древнекиевский княжеский антураж.

В сентябре 1921 г. Ходасевич зафиксировал в записной книжке один из таких хронологических сломов: «Слова прививаются необычайно быстро. *Всякая оппозиция уже называется контрреволюцией*. Дьякон в Бельском Устье говорит, что Николай II удалил из армии Мих<аила> Александровича "как контрреволюционера"»⁴¹.

С этой дьяконской позиции Сталин переписывает всю историю своей партии — и всего государства. Как и в других случаях, его духовной победе и на сей раз способствовал синтез догмы с фольклором.